

Андрей Абинский
На флоте бабочек не ловят

Морские рассказы

Андрей Абинский

**На флоте бабочек не
ловят. Морские рассказы**

«Издательские решения»

Абинский А. С.

На флоте бабочек не ловят. Морские рассказы /
А. С. Абинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832507-6

«На каждом судне, как и в любой деревне, есть один дурачок, гуляющая женщина и горький пьяница» — так начинаются рассказы о забавных приключениях моряков на торговом флоте. Ветер дальних странствий лишь слегка шелестит страницами этой книги. В ней вы найдете занимательные истории о людях, посвятивших свою жизнь морю.

ISBN 978-5-44-832507-6

© Абинский А. С.
© Издательские решения

Содержание

Рукопись, найденная в Сараголе	6
Герой Советского союза	7
1. Кочегар Усачёв и Гэсси Джек	7
2. Пусичка	9
3. Кочегар дальнего плавания	10
4. Мосин против Арисаки	11
5. Банный день	13
6. Сальная история	14
7. Глаз – алмаз	16
8. Герой Советского союза	19
9. Кони-звери	21
10. Под колпаком КГБ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

На флоте бабочек не ловят
Морские рассказы
Андрей Степанович Абинский

© Андрей Степанович Абинский, 2016

ISBN 978-5-4483-2507-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рукопись, найденная в Сараголе

Недавно я приобрёл в Сараголе дачный участок. Шесть соток каменистой земли с ветхой хибарой под грушевым деревом. Бывшая его хозяйка, бабушка Дарья Филипповна, сказала:

– Дом хороший, крепкий, только половицами шибко скрипит и крышей течёт.

– Всегда течёт?

– Нет, только когда дождь...

Вступив во владение, я первым делом взобрался на чердак. По дороге спугнул какую-то птицу. Ржавая крыша светилась звёздами многочисленных дыр. Лучи солнца пронзали железную кровлю и падали на пол золотыми брызгами. На гвоздях, висели дубовые венки с ломкими жестяными листьями. Под ними спрятался тяжёлый деревянный сундук.

В романах пишут: «С замиранием сердца он откинул дубовую крышку и...» Сокровищ там не было. Поверх бытового хлама я обнаружил жёлтую картонную папку, а в ней – общую тетрадь, исписанную до последней страницы.

На другой день я позвонил Дарье Филипповне. Сказал про тетрадь.

– На что она мне? – ответила старушка. – Это Андрей, племян мой, в тетрадке что-то придумывал. Он, вот уж год, как в Австралию уехал. Дела у него там...

Два листа рукописи были безнадежно испорчены влагой, поэтому повествование начинается так: «... июня я закончил обучение в мореходной школе и сразу стал взрослым...».

Далее, под детскими рисунками чаек и разлапистых якорей, мне удалось разобрать название первой истории.

Герой Советского союза

*Награда нашла героя!
Заголовок в газете «Правда»
от 12 июня 1969 г.*

1. Кочегар Усачёв и Гэсси Джек

На каждом судне, как и в любой деревне, есть дурачок, гулящая женщина и горький пьяница. На каботажном пароходе «Ярославль» горьким пьяницей был котельный машинист Боря Усачёв.

– Водка – это зло, – обращался он к собственному отражению в зеркале. – Её надо уничтожать!

Уничтожением зловредного зелья Усачев занимался в одиночестве, без закуски и до победного конца.

– Мы норму знаем, – говорил он. – Как нету, так хватит!

Запасов надолго не хватало и кочегар переходил к резервным источникам – употреблял одеколон, лосьон «после бритья» или настойку боярышника. У моряков из кают стали исчезать «Шипр», «Тройной», «Красная Москва» и даже, купленные за валюту, дорогие «Шанели» всех номеров. Свои трофеи Боря называл «коньяк с резьбой». За глаза Усачёва называли «флакушечником», в кражах подозревали, но поймать за руку не удалось никому.

– Выпил я один раз в жизни, – говорил Борис. – Остальные разы – опохмелялся.

Расхожая истина о том, что машина любит ласку, чистоту и смазку, была недоступна Усачёву. Он враждовал с каждым агрегатом и трусливо ждал подвоха от любого механизма. Этот сволочный насос катал водяной балласт в топливный танк, подлые маслёнки текли ему в рукава, а когда стрелка манометра завернула на второй круг, Боря окончательно потерял веру в себя и начал подозревать присутствие в машине неведомой злой силы. Редкая вахта Усачёва заканчивалась без происшествий. Третий механик из-за этого стал нервным и не раз просил деда перевести Усачёва в рабочую команду.

– Что-то мне на вахте не спалось, – любил приговаривать кочегар, однако и тут сильно лукавил.

Боря спал на вахте. Он умел спать стоя. В зубах – папироска, в руках, перед носом, зажат спичечный коробок. Услышав посторонний звук, Усачёв мгновенно включал сознание и чиркал спичкой. Реакция, отработанная годами, не подводила его никогда. Но, как говорится, сколько веревочке не виться, конец будет.

Раскусил этот фокус старший механик. В годы войны он командовал взводом разведки. Старлей Догонашев не один раз скрытно проникал в логово врага, и столько же раз возвращался обратно. Боевой опыт пригодился. Дед незаметно привёл в кочегарку целый взвод машинистов.

Они застали вполне мирный пейзаж. Под раструбом вентилятора застыл Боря Усачёв. Он изображал скульптуру Гэсси Джека, известного алкаша в Канадском порту Ванкувер. Наш Джек был такой же помятый, но с «беломориной» во рту, и без шляпы.

– Картина Репина «Не ждали», – сказал Папа Сенчихин, ловко связывая сырмятные шнурки на ботинках кочегара. Усачёв даже не пошевелился.

Машина мирно вздыхала. Тихо гудел вентилятор-ветрогон. Быстро закипал старший механик Догонашев. Сначала у него покраснели уши, потом щёки и, наконец, билиардная лысина. Потом дед взорвался:

– Дрыхнешь, баран!

Усачёв и бровью не повел. Он чиркнул спичкой, прикурил папиросу и только после этого открыл глаза:

– Вы чего, тут... все?

Стармех в ярости треснул кулаком по манометру:

– Я тебе парья велел держать сколько?! А у тебя, Уссачёв, сколько?! – и без размаха, тычком, двинул его в плечо.

Сдвуноженный Усачев рухнул на пятую точку и завалился набок. Вид у него был жалкий.

– Прикинулся ветошью, – сказал Паша Сенчихин и угодливо пнул кочегара в матросский ботинок. – Куда его?

– Чего куда? В топку его. В топку! Еще один Лазо будет! – бушевал стармех и обернулся к остальным: – Шевелись, лишенцы, равняй пар! Вперёд, жопкачками!

Самое страшное ругательство у Догонашева было – «баран». Что такое «жопкачками» – не знал никто.

Когда суета улеглась, в углу обнаружили только стоптанные башмаки, покинутые хозяином. Вид у них был печальный. Сам Усачёв испарился.

На производственном совещании Усачёв прилюдно покаялся и был наказан – оставлен «без оценки». Моряки его простили, с кем не бывает? Перед этим у Бориса состоялся мужской разговор со старшим механиком:

– Вот тебе мое последнее китайское предупреждение, – Догонашев поднес тяжелый кулак к носу кочегара. – Чуешь, чем пахнет?!

Окончательно убедило стармеха детское обещание опального кочегара:

– Я больше не буду...

2. Пусичка

Петух появился на судне раньше Усачева. Банальная фраза – судьбе было угодно, чтобы они встретились.

Крошечного цыплёнка принесла в картонной коробке буфетчица, Нина Петровна.

– Он такой славный, пушистый, – умилялась она. – Не удержалась, купила на рынке, за рубль всего. Будет у меня своя курочка-несушка!

Нина кормила питомца рубленным яичным желтком и ласково называла «моя Пусичка». Пусичка росла, как на дрожжах и скоро превратилась в голенастого монстра, очень похожего на страуса. Потом Пусичка закукарекала.

Это не огорчило Нину Петровну, потому что к этому времени она уже списалась на берег и даже вышла замуж. Пусичку поселили в чекерской, отгородив ему приличный угол рыбацкой сетью. Там у петуха окончательно испортился характер. Из-за смены часовых поясов Пуся утратил ориентацию во времени. Орал свое кукареку по ночам и яростно топтал круглую железную миску.

– Бабу ему надо, – говорил одессит Хатан. – Иначе этот поц совсем озверевает.

Чтобы угодить пернатому, боцман привез из дома симпатичную пёструю курочку. На свадьбу собрался чуть не весь экипаж. Моряки переживали за исход женитьбы и давали Пусе практические советы.

Курочка деловито обследовала новое жильё, поклевала зёрен и, видимо, осталась довольна. Сначала, петух повёл себя как истинный кабальеро – распушил шею, расправил крылья и по кругу сделал пробный подход к невесте.

– Учитесь, салаги, как надо к барышне подкатывать, – комментировал Хатан. – Давай, поц, на абордаж ее!

Вероятно, петух его неправильно понял. Он издал боевой клич, бросился на свою жертву и начал яростно долбить её в маковку жёлтым клювом. Пока их разнимали, бедная хохлатка успела сильно пострадать. Вторая и третья попытки закончились так же плачевно.

– От це дурний пивень, – от досады боцман перешел на родной язык. – В кастрюлю его, на юшку!

– Это любовь, – сказал чувствительный Саша Будиш. – Петька любит свою железную тарелку, а в пеструхе видит соперника.

Молодых расселили в разных углах, стерпится – слюбится. Но не стерпелось. Петух оказался законченным садистом, без надежды на исправление. Через неделю курочку депортировали на берег, а Пуся стали прогуливать на воздухе, чтобы привыкал к обществу.

Там он и встретился с Усачёвым. Чем не понравился кочегар злобной птице, остается загадкой, но каждый раз, завидев Бориса, петух с разбега бросался в атаку и, обычно, поле битвы оставалось за ним.

– Чёртов камикадзе! – злился Усачёв и убирался подальше от монстра.

Однажды петух исчез. Утром его не оказалось в чекерской. На палубе тоже не было. Не было нигде. Потом выяснили, что Усачев ночью выбросил птицу за борт. Сам проболтался:

– И за борт его! В набежавшую волну...

Выбросить в море живую тварь – большой грех для моряка. За это капитан списал Усачёва в ближайшем порту.

– Нет в жизни счастья, – жаловался нетрезвый кочегар. – Стенька Разин аж целую княжну в расход пустил! И ничего, как с гуся вода. А тут из-за драного петуха такую историю раздули!

– Княжна и петух, как говорят в Одессе, это две большие разницы, – ответил Леша Хатан. – Уж лучше бы ты его сожрал!

Так на пароходе «Ярославль» освободилось штатное место котельного машиниста.

3. Кочегар дальнего плавания

Я увидел его первым. По Южному пирсу, лавируя между погрузчиками, шел человек, в сером костюме, при галстук и в ковбойской шляпе. В одной руке он держал чемодан, другой поправлял на носу темные очки. Пока ковбой шагал по трапу, я успел оценить наклейки на его чемодане: «Paris – London – Magadan».

– Здравия желаю, начальник, будем знакомы! Валера Лалетин, кочегар дальнего плавания.

Лалетин шутливо козырнул двумя пальцами и опустил чемодан на мокрую палубу. Послышался хрустальный звон. Народ вокруг оживился.

Я не был начальником. Я был вахтенным матросом. При исполнении, с красно-белой повязкой на рукаве. Через много лет мы снова встретимся с Лалетиным на другом судне и он скажет: «Уже тогда я предвидел твой карьерный рост!»

– Хайло, леди и джентльмены! – Валера актерским жестом приподнял ковбойскую шляпу и увидел знакомое лицо: – Борька, Усач, ты?! Живой ещё?

– Живее всех живых, – хмуро ответил опальный кочегар. – Тебя мне на замену прислали. Не дали до весны дотянуть. Ты-то как сюда?

– Сам не знаю, – ответил Лалетин. – То ли за политику, то ли за любовь.

– Видок у тебя под кренделя! – ехидно заметил Усачёв. – В таком прикиде кочерёги не форсят.

– Это, Боря, с кем поведёшься... за то и пострадал.

Лалетин поздоровался с каждым за руку и угостил всех «беломором». Зажигалка у него была примечательная, самодельная, из пагона от трехлинейки.

– Встретились, как в море пароходы, – Усачев подхватил чемодан, – и разошлись, как в поле корабли... Проставляешься?

– Это потом, сначала к деду. Он кто?

– Догонашев, татарин. Второй механик тоже татарин, но гораздо лучше.

– Хорошая компания, – сказал Лалетин. – Ну, веди до хаты.

4. Мосин против Арисаки

Кочегар дальнего плавания, Валерий Лалетин, сразу пришёлся ко двору. Он был балагур, с хорошим лёгким характером.

В первый же день, на «разводке», Валера заявил:

– У меня руки золотые: точить могём, сверлить могём, строгать могём, только крышу крыть не могём – боимся упадём!

Дед подозрительно фыркнул:

– Ещё один клоун нарисовался. Цирк на воде!

– Кто служил на флоте, тот в цирке не смеётся, – ответил Лалетин и жестом фокусника выдернул из кармана зажигалку – отполированный до зеркального блеска винтовочный патрон. Валера держал свой снаряд двумя пальцами за донышко гильзы. Через секунду фитиль сам собой вспыхнул.

Машинист Осипов невозмутимо сказал:

– Усачёв мог, например, пёрнуть десять раз подряд.

– У меня на это духу не хватит, – засмеялся Лалетин. – А вот мой примус осечек не дает. Как винтовка Мосина. С кем на спор, на интерес?

Наглая самоуверенность кочегара задела фронтовика Догонашева. Дед потёр блестящую лысину, набычился и перешёл на немецкий:

– Зер гут, Валера, – стармех впервые назвал Лалетина по имени. – Твоя трехлинейка, против самурайского качества!

Дед вынул сто-йенную японскую зажигалку. Такие зажигалки были у многих и славились безотказностью. Горели на ветру и потребляли любое горючее, от одеколона до солярки. Приз назначили традиционный – полбанки белой. Расчет – немедленно. Последнее условие особенно понравилось машинистам.

– Если по-честному, нужно залить зажигалки одинаковым бензином, – вставил своё замечание Паша Сенчихин.

– Предложение отклоняется, – парировал предпрофкома, он же второй механик. – Каждый двигатель должен работать на своем горючем.

Второй механик разбирался в моторах и спорить с ним не стали. Лалетин спросил только:

– Запаливаем сходу или с задержкой?

– Давай по-простому, без этих вывертов, – ответил бывалый разведчик.

Рефери назначили справедливого Лешу Хатана. Бойцы вытерли ладони ветошью и состязание началось.

– Винтовка Мосина против японской «Арисаки», – объявил Хатан и рубанул воздух ладонью:

– Ррр-аз!

Вжик! Чирк. Загорелись два огонька.

– Два!

Вжик! Чирк. Зажигалки сработали одновременно.

– Три!.. Четыре!.. Десять!.. Двадцать!.. Тридцать!

Дед вытер лысину ветошкой. Валера в паузе нервно закурил. Пальцы его подрагивали.

– Тридцать один!

Вжик! Чирк. Горят обе. Болельщики втайне желали победы Лалетину. Знали, за ним не заржавеет.

– Тридцать девять!

Вжик! Чирк.

– Уффф! – выдохнул дед.

Его зажигалка высекла трескучую искру, но фитиль ответил лишь слабым дымком. Вжик! Вжик! Японское качество уступило надёжной русской трехлинейке.

Чирк! Лалетин запалил свой примус в победный сороковой раз.

Договор дороже денег. Пока публика поздравляла кочегара, отстоявшего честь русского оружия, стармех вернулся из каюты с пол-литровой банкой спирта.

– Разведённый, Рашид Музагитович? – осторожно спросил его токарь Широков.

– Еще чего, портить продукт! Давай, организуй пару селёдок, луковицу и хлебушка.

Через полчаса Сенчихин с Осиповым уже горланили песню про то, как самураи задумали перейти границу у реки, а наши веселые танкисты были решительно против этого.

– Ты не очень-то задавайся, – сказал Лалетину электрик Хатан. – Дед не злопамятный, но память у него хорошая. Завтра быть тебе под плитами и в мазуте по самую маковку.

Предсказание одессита сбылось в точности.

5. Банный день

Вечером, в четырёхместной каюте кочегаров, при стечении народа, Лалетин рассказывал свою историю:

– Знаете пароход «Альбатрос»? Классный лайнер, мечта маримана, японский линейщик. Неплохие заработки, зачистки, крепёжки, валюта. Я при деле, точить-варить умею, веду себя тихо, правила поведения советского моряка свято блюду.

Однажды пришли мы в Находку, оформились таможней, встали к причалу. Народ – кто куда, меня определили на пожарную вахту. Делать нечего, на берег ходу нет, настроение – ниже ватерлинии.

– А как насчёт этого? – Осипов звонко щелкнул себя по горлу.

– Можно, если осторожно, – ответил Валера. – Компании не было, так что затеял я пости-рушки. Банный день себе устроил.

Выхожу, значит, из душа. Сияю, как тульский самовар на выставке. С голым торсом и с полотенцем на талии. Гляжу – на траверзе знакомая чудачка. Поначалу удивился – она в продуктивном магазине работает. У нас, на Второй Флотской. Светланой зовут. Стоит в дверях комиссарской каюты, прислонилась бедром, косяк греет. А бедро, ух! И высокий интеллект.

Валера изобразил округлое движение у груди.

– Улыбается и взгляд такой, с прищуром, сквозь ресницы! Ну, поздоровались. Я говорю с подначкой:

– Как насчёт колбаски отвесить?

– Вам докторской, любительской или молочной? – спрашивает Света профессионально.

– После баньки, хорошо бы сто грамм и огурчик, – наглею я.

Она мне этак культурно:

– Так жрать хочется, что и переночевать не с кем? – и смеется: – Моего комиссара во Владик вызвали. По делам. А я сюда, на такси. Вот и разминулись.

Я ей учтиво:

– Долг джентльмена – скрасить одиночество дамы. Правда, сильно прошу пARDону, камзол и шпага остались на вешалке.

– Так сойдет, – говорит Света и поворачивается к двери. И жест – рукой возле бедра – давай, мол, швартуйся помалу. Я в кильватер, дамочка желает пообщаться.

Дальше, всё как у людей. Светка оказалась своя в доску, с ней не было скучно. Она сама заперла дверь, притушила свет и создала интим. В общем, под настроение попал...

Уже потом обмолвилась про мужа, что он хороший, ответственный и очень любит свою работу.

Трудно сказать, кого или что помполит любил больше, но он объявился на судне слишком рано. Открыл дверь своим ключом. Дальше все было плохо.

– Вахту на трапе надо было предупредить, – сказал Паша Сенчихин. – И, заранее, носки – в карман, тапки – у входа.

– У меня и носков-то не было, – развел руками Лалетин. – Обошлось без мордобоя и то ладно.

– Не к лицу, помполиту по лицу, – скаламбурил Хатан.

Нельзя же быть таким мстительным, – Валера сокрушённо покачал головой. – Из-за этой бытовухи, меня, классного токаря, сняли с линейщика и послали сюда, на исправление, в кочегары. Вот и не знаю, то ли за политику пострадал, то ли за любовь.

– За любовь, – сказал чувствительный Саня Будиш.

– За политику, – возразил Осипов. – Всё, что связано с политработниками – политика. Даже бабы!

6. Сальная история

Было время «адмиральского часа». Догонашев уже вытащил ноги из домашних клетчатых тапочек и собирался вздремнуть, когда в дверь вломился старпом:

– Дед, горим!!! – крикнул он и захохотал вниз по трапу.

Встревоженный стармех на полных оборотах бросился вслед. В нос ударил вязкий запах дыма. Горела не электропроводка, не сухари на камбузе, не соляра или масло – эти запахи Догонашев различил бы сразу. Как он потом сказал: «Это был запах горящего танка».

На нижней палубе стояла пелена сизого дыма.

– Мать твою! – старпом разбил стекло и уже давил на красную кнопку пожарной тревоги.

Тишину взорвал резкий грохот звонков громкого боя. И жестяной голос второго помощника по трансляции: «Внимание! Пожарная тревога! Аварийной партии прибыть в район палубы „А“, левый борт!» Потом скрежет в динамиках и хриплый голос капитана: «БОЕВАЯ тревога, вашу мать!!!»

Матросы уже раскатывали пожарные шланги и нервно крутили клапана гидрантов. Воды не было. Осипов танцевал с огнетушителем, не решаясь сунуться в дым.

Догонашев не стал медлить. Он пригнулся и, прижав к лицу носовой платок, бросился в дымовую завесу. Через несколько секунд стармех вынырнул весь в клубах дыма и, как слепой, на ощупь открыл дверь гальюна, заслонив всё широкой спиной. Послышался звук льющейся в унитаз воды.

– Всё, порядок, – сказал Догонашев, выходя из сортира. – Пожар ликвидирован!

Он закашлялся, из глаз текли слезы.

Тут зашипели и закрутились змеями пожарные шланги, окатывая всех солёным душем. Пока их ловили и закручивали клапана, прибежала растрёпанная уборщица, «бесхозная» Люська, хозяйка погорелой каюты:

– Мальчики, что у вас стряслось? Что за шум, а драки нет?

– Люсьен, это у тебя стряслось, по ж... уж точно получишь, – злорадно пояснил матрос Люлёк. – Какую горючку держала в каюте? Говори, хуже будет!

– Да я только одну бутылочку и заначила, – запаниковала Люська. – С чего такой шум и дым?!

– Тащи ее сюда, это теперь вещественное доказательство.

Дым понемногу рассеялся и несчастная уборщица быстро вернулась с бутылкой, завернутой в газету.

– Вещдок реквизируется, – строго сказал Люлёк. – За распиской придешь к старпому. И, удаляясь, добавил: – После отбоя...

Пришел капитан. Из унитаза вынули объект пожара. Это был добрый шмат сала, завернутый в мокрое покрывало.

На «разборе полетов» выяснилось следующее. Валера Лалетин варил леера на крыле мостика. Капля расплавленного железа угодила прямоком в иллюминатор Люськиной каюты. А там проветривался этот злосчастный кусок сала. Он не вспыхнул огнем, а начал тлеть, как бикфордов шнур, распространяя сизый дым и жуткую вонь.

Лалетин получил устный выговор, Люська – тоже, старпом – благодарность. Героем дня стал Догонашев.

– Старшего механика Догонашева, – сказал капитан, – следует наградить медалью «За отвагу на пожаре».

Вечером Люська явилась к старпому за распиской на конфискат и осталась там до утра. Матрос Люлёк пригласил к себе плотника и артельщика. Втроём они уничтожили вещдок,

а пустую тару выбросили в иллюминатор. Кочегар Лалетин весь следующий день провел в мазуте, под плитами машинного отделения, размышляя о превратностях судьбы.

7. Глаз – алмаз

До обеда оставалось еще с полчаса. В кочегарке собрался машинный народ, покурить, да потравить «за море».

Есть такая байка. Дед звонит в машину:

– О чем говорят кочегары?

– Про женщин...

– А, всё нормально...

Через некоторое время стармех звонит опять с тем же вопросом.

– Про работу говорят кочегары, – отвечает второй механик, – про работу...

– Ну вот, уже напились! – сказал опытный стармех.

На этот раз тема разговора была околонаучная:

– Возьмем, к примеру, чукчу, – говорил Паша Сенчихин. – Они там скачут на оленях по тундре, ориентиров никаких, однако, чукча никогда не заблудится, потому что у него с детства натренированная зрительная память. Писали в «Науке и жизни» про такой, вот, эксперимент. Одному чукче, который никогда в жизни не видел будильника, дали посмотреть на механизм три минуты. Потом часы разобрали на колесики. Так этот чукча без проблем собрал будильник снова. И часы пошли!

– Ерунда всё это, – сказал электрик Хатан. – Со мной в армии служил чукча по фамилии Ядне. Он был телеграфист. И его постоянно долбали за то, что он не мог запомнить морзянку.

– Чукча никогда не выпьет больше русского, – как всегда не в тему брякнул Осипов.

– Это от закуски зависит, – авторитетно заявил токарь Широков. – Под ихний копальхен много не жахнешь. Не зря же так хорошо рифмуется: водка – селёдка.

– Сало тоже хорошо рифмуется, – сказал третий механик Гаврилов. – Особенно в виде шкварок.

Вошёл стармех Догонашев, окинул взглядом свою вотчину.

– Об чём разговор? – спросил он.

– Об чукчах, – ответил Осипов. – Паша говорит, что у чукчи глаз-алмаз. А поставь чукчу кочегаром, еще неизвестно, что будет.

– Тут от человека зависит, – рассудительно сказал Лалетин, – От его способностей и таланта. Одно дело собрать механизм из готовых деталей, другое – посмотрел, запомнил и выточил. Не каждому дано!

Дед потёр лысину:

– Как это, посмотрел, запомнил и выточил?

– Ну, к примеру, даёте вы мне ключ от замка. От любого замка. Я смотрю на него пять минут глазами и через два часа изготавливаю такой же. Проверить работу легко – открываете этим ключом свой сейф, где деньги лежат.

Сейфа у стармеха не было. Был железный ящик, с постройки судна, который запирался бронзовым ключом весьма причудливой формы.

Догонашев почесал лысый затылок, крикнул и набычился. Это говорило о напряжённой работе головного мозга и некотором волнении.

– Валера, табань взад, – ухмыльнулся одессит Хатан. – На Молдаванке за такой трёп моментально перестают уважать.

– За базар отвечаю! – упрямо, по блатному, сказал Лалетин.

– В прошлом годе зайцы скромнее были, – засомневался Сенчихин.

– Кочегар ты или чукча? – спросил зачем-то Осипов.

– Нихт ферштейн, – дед заговорил по-немецки. Видимо, он проанализировал ситуацию и пришел к какому-то решению.

– Слушай сюда, Валера, – Догонашев назвал кочегара по имени во второй раз. – Даю тебе времени до ужина. Делаете ключ, заходишь ко мне в каюту, открываешь ящик, забираешь приз. Приносишь его сюда.

Стармех описал полукруг бронзовым ключом, чтобы все увидели – задача эта невыполнимая.

– Что в сейфе-то будет? В тёмную я не согласен, – капризно сказал Лалетин. – Было бы из-за чего страдать.

– Что, уже откат? Литровая банка будет, весь мой запас.

– Чистого?

– 96 процентов!

– И меня из кочегаров – точилой, сварным или хотя бы машинистом.

– Ты, Лалетин, как золотая рыбка. Тебе и первое, и второе, и третье! Ладно, Широков все равно идёт в отпуск, будешь вместо него токарем.

– Так это совсем другое дело, – сказал кочегар. – Наша фирма веников не вяжет, а если вяжет – то фирменные!

Дед задумчиво рисовал в засаленном блокноте какие-то значки.

– Теперь слушай диспозицию. Ровно в 16:55 заходишь в мою каюту. Никого там не будет. Своим ключом открываешь ящик, забираешь приз и в 17:00, как штык, быть здесь! Пять минут тебе на всё, про всё. Опоздаешь на секунду – проиграл. И до скончания века живёшь под плитами. Карьера твоя, сталбыть, накрылась медным тазом!

– Шпионские страсти! – съехидничал Хатан.

– Лалетин, кеды надень и с низкого старта! – злорадно сказал Осипов.

Валера озадаченно потёр подбородок и ответил:

– Как юный пионер – всегда готов!

– Сверим часы, – скомандовал Догонашев, – время пошло!

Он вынул ключ и жестом вестового офицера вручил его Лалетину.

Хатан щёлкнул секундомером.

Валера принял ключ, положил его на широкую ладонь и сделал сосредоточенное лицо. Ключ был изготовлен из бронзы и имел сложную конфигурацию – разные проточки, загогулилки и выемки. Публика хранила молчание.

– Минута прошла! – объявил Леша Хатан.

Лалетин наморщил лоб и перевернул ключ на другую сторону. Он шевелил губами, словно произносил беззвучные заклинания.

– Вторая минута прошла! – сказал Хатан.

Валера закрыл глаза, зажал ключ между ладонями и тихонько подул между ними.

– Колдун, твою мать! – не выдержал Осипов.

– Заткнись! – оборвал его токарь Широков.

Никто больше не проронил ни слова. Прошло три, четыре минуты.

– Финиш! Сеанс окончен! – Хатан остановил и поднял над головой секундомер. – Ровно пять минут!

Лалетин вернул ключ Догонашеву. Он выглядел усталым.

– Пойду, приму душ, – сказал он. – Тонкую работу нужно делать чистыми руками.

Настал час расплаты. Пароход – это маленькая деревня и новость о необычном пари не дошла разве что только до капитана. У капитана есть другие, более важные дела. В котельном отделении собралась вся машинная команда и сочувствующие, из матросов. Сунулась было «бесхозная» Люська, но суровый дед прогнал её.

В 16:55 Хатан запустил секундомер. Время тянулось медленно, словно в конце вахты.

– Шестнадцать, пятьдесят девять, – наконец, сказал он.

Все посмотрели на дверь и ждали чуда.

– Осталось тридцать секунд, – печально и без надежды объявил Лёша.

– Всё, кранты, – злорадно сказал Осипов. – Нет спасения, нет вознаграждения!

И тут ручка двери медленно повернулась. Время словно остановилось. В котельную, как в замедленном фильме вошёл Валера Лалетин. В руках у него ничего не было. Все молча смотрели на него.

Стармех звонко шлёпнул себя по лысине:

– Ну что, влип, очкарик!

– Картина Репина «Не ждали», – сказал Паша Сенчихин.

Лалетин обречённо вздохнул, присел на баночку, закурил и вдруг торжествующе улыбнулся и выдернул из-за пояса одну бутылку, потом вторую!

– Разлить успел?! Не может быть! Ключ – сюда! – вздыбился Догонашев.

Он вырвал из рук кочегара ключ и рванул наверх, к себе в каюту.

– Теперь понятно, почему его в разведке поймать не могли, – сказал Осипов. – В молодости дед был еще шустрее.

– Валера, если ты сжульничал, то беги, – сказал Хатан. – Он тебя застрелит! У него в каюте малопулька и целевые патроны!

Токарь Широков бережно капнул жидкость из каждой бутылки на плиты и поджёт спичкой. Спирт горел волшебным голубым пламенем.

– Чистоган, – заключил он. – Можно потреблять.

– Милости прошу к нашему шалашу, – сказал довольный Валера. – Состоится дегустация букета последнего урожая! Будет музыка, женщины и танцы. Опоздавшей команде, – он кивнул на дверь, – запишем баранку!

Дед все-таки пришёл. Выпил рюмку, вторую. После третьей доверительно спросил:

– Нихт ферштейн, Лалетин, скажи, где тут собака зарыта? Убей бог лаптем, не могу поверить, что не обошлось без твоих фокусов!

– Рашид Музагитович, шпинделем клянусь, никаких чудес. В самом деле, у меня глаз – алмаз, ну и руки, сами знаете – золотые.

– Вот, чувствую наклёпку, только не знаю где, – с досадой сказал Догонашев. – С тобой в разведку – я бы еще крепко подумал...

– Это вы напрасно, Рашид Музагитович. Со мной не пропадёшь! Могу всадить три пули, одна в одну, на двадцать метров. Без оптики. С кем на спор?

8. Герой Советского союза

Мы ехали с Лалетиным на рейдовом катере с определенной целью – посетить ресторан «Якорь», в котором отмечал свой день рождения старший помощник капитана, Лев Иванович Зотов.

Валера приделся соответственно – пиджак с искоркой, блестящий «бисерный» галстук и лаковые штиблеты. Из нагрудного кармана кокетливо торчал белый краешек носового платка. Рядом скучал Саша Будиш. Он был в отглаженном до шоколадной ломкости тропическом морском кителе. Золотой галун на его погончиках имел среднюю ширину – больше чем у матроса и чуть уже, чем у старпома. Девушкам это нравилось. У Саши были голубые глаза, тонкие черты лица и шапка кудрявых белокурых волос. Бывало такое – в ресторанах ему не давали водку и просили показать паспорт.

Ресторан «Якорь» располагался в уютном сквере. Был конец сентября, низкое солнце золотило клёны, пахло прелой листвой. Душа, как говорится, просила праздника.

На крыльце, у дверей заведения, суежилась пестрая толпа страждущих. Вход охранял солидный дядя с крутыми плечами борца и каменной мордой трамвайного кондуктора. Миновать его было невозможно.

– Местов нет, – сказал Саня печально. – Безнадёга! Этот лайнер уйдет в плавание без нас. Там будет играть музыка, но мы её не услышим.

Саша Будиш умел выражаться красиво.

– Нужно высвистать кого-нибудь из наших, кто уже там, – сказал я. – Потом уболтаем вышибалу, приставим стулья.

– Это вариант, – согласился Лалетин. – Но, за неимением времени, он нам не подходит. Мы не можем ждать милостей от природы!

– И у моря погоды, – добавил Будиш.

Валера задумчиво потёр подбородок и я заметил, что его лицо приняло особое, «артистическое», выражение.

– Сейчас главное – не светиться, – сказал Лалетин, – и не суежиться. Спешите видеть!

Он вынул из кармана сначала носовой платок, затем какую-то блестящую штучку и, немного повозившись, прикрепил её на лацкане пиджака. Мы обомлели. На груди Лалетина сияла звезда героя Советского союза!

– Лучше настоящей, – сказал Валера. – Вообще-то я изготовил медаль для другого случая, но выбирать не приходится. И еще. Ты, Будиш, пойдёшь справа, вплотную ко мне, Андрюха, слева, чуть сзади. Свитер скинь, повесь на руку, он слишком красный. И ещё не хватает одной детали... Валера посмотрел по сторонам: – Вот! Ждите меня здесь!

– Понесло вожачка, – заныл Будиш. – Морды нам не набьют?

– Будущее покажет, – успокоил я Сашу. – Гусара шрамы украшают.

Валера, тем временем, вёл переговоры с водителем чёрной «Волги», стоявшей у парадного подъезда. Потом он влез в машину и суежливо помахал нам рукой: «Быстро, сюда!»

Пока мы усаживались в автомобиль, Лалетин провел краткий инструктаж:

– Как пришвартуемся, ты, Саня, выходишь из машины и открываешь мне дверь. Потом всё по плану. Вперед!

Шофёр сработал чётко. Он выписал крутой вираж и эффектно, с визгом, тормознул у крыльца ресторана. Будиш, как испуганный выскочил из авто и, угодливо согнувшись, открыл дверь со стороны Лалетина. Другую руку он откинул за спину.

Из машины вышел герой Советского союза. Все взгляды были прикованы к нему. Будиш переиграл – встал по стойке смирно и приложил руку к пустой голове. Ему простительно, Саня ещё не служил в армии. Мы заняли свои места согласно диспозиции и Валера, прямой

как жердь, с высоко задраным подбородком, прошествовал сквозь толпу. Плечистый Цербер выпятил живот и посторонился. Он впервые в жизни так близко видел живого героя и не отводил глаз от золотой звезды.

Лалетин не был бы Лалетиным, если бы не довёл свою роль до абсурда:

– Здравия желаю, командир! В каком полку служили? Майор Лалетин, прибыл на слёт ветеранов сражения при Чемульпо. Эти двое – со мной.

Когда мы прошли, он оглянулся и добавил, как бы оправдываясь:

– Надо же передавать опыт молодежи...

9. Кони-звери

...Эй вы кони, кони-звери, кони звери эх! – в уши ударила музыка с эстрады. Публика ела, пила, танцевала. Официантки сновали между столиками. Они ещё не устали. Наша компания расположилась в дальнем углу, сдвинув пять столиков. Веселье было в разгаре. Раскрасневшийся старпом сидел в президиуме и у него был счастливый вид. Слева закусывал огурчиком стройный лейтенант-пограничник.

Увидев нас, Лев Иванович стал еще счастливее:

– Заходите гости, гости дорогие! – сказал Лев Иванович. – Начислите штрафную герою! Он заметил звезду на груди Лалетина.

– А это наша матроска... Оля, – старпом ткнул пальцем в кофейную грудь Будиша. – Пройдет немного времени, и Ольга станет капитаном дальнего плавания!

Лейтенант встрепнулся, привстал и протянул мне руку:

– Мы... их там, на Даманском, из «Катюш»... замесили всех...

Его язык уже не очень повиновался владельцу. Потом он поймал руку Будиша и поцеловал её мокрыми губами.

– Оленька, Олюнчик, только ко мне, – сказал лейтенант, усаживая пунцового Будиша рядом с собой. – Мне импо... ик! импонируют морячки!

После «штрафной» мне стало хорошо и я начал замечать детали вокруг. Пограничник рассказывал Будишу о своих подвигах на острове Даманский.

– Педаль до полика и на Пекин! – возбуждённо говорил он и гладил Сане коленку.

Видно в бою его здорово контузило – лейтенант обнял Будиша за плечи и стал приглашать на дамское танго. Бедный Саша краснел, неумело отбивался и сбежал, наконец, в туалет.

– С Ольгой поосторожнее, она не каждому по зубам, – советовал лейтенанту одессит Хатан. – Через одного даёт... по зубам.

Захмелевший Лалетин, восхищённый подвигом лейтенанта, подарил ему золотую звезду героя.

– Командир, ты достоин этой награды! – сказал он, прикрепляя медаль на китель пограничника, и добавил: – Носи на здоровье!

Веселье достигло кульминации и моряки заговорили по-английски.

– Я всех инвайт на рюмку уиски, – сказал тост четвёртый механик Гордеев.

Выпили.

– No smoking! – добавил машинист Осипов и этим исчерпал свой словарный запас.

– Твою мать... и токи фуко! – изрёк электрик Хатан, у которого познания в английском были еще меньше.

За столом появились пёстрые девицы – блондинка, брюнетка и рыжая. Осипов начал объяснять рыжей устройство дейдвудной трубы. Она щурилась, как кошка и понимающе кивала. Брюнетке понравился старпом. Я оказался рядом с блондинкой. Ее звали Ирина. Она спросила:

– Как тебе Эдит Пиаф?

– Обожаю Эдит, – с чувством сказал я. – И Пиаф тоже! У меня вся каюта обклеена ихними портретами.

Ира засмеялась и согласилась посмотреть мою коллекцию. Мы ушли вместе.

10. Под колпаком КГБ

Утром мы пришвартовали пароход к угольному причалу. На пирсе уже стоял милицейский газик, возле которого курили двое: пожилой усатый майор и штатский товарищ во всём сером. Шляпа у него была тоже серая. Как только вооружили трап, они поднялись на борт, махнули перед носом вахтенного красными корочками и прошли в каюту капитана.

– Не к добру это, – уверенно сказал Будиш. – Будут разборки. Хотя вчера, в «Якоре», наши вели себя культурно. Разбили всего один графин, да и то не об чью-то голову.

– А что, твой лейтенант, – спросил я, – жениться не предлагал?

– Сволочь, – коротко заключил Будиш, – нажрался, как свинья. Правда, цветы потом принёс.

– Ага, ты уже ворчишь, как законная супруга!

– Иди ты!

По громкой связи старшего механика вызвали к капитану.

– Значит, маслопупы отличились, – сказал Будиш. – И то хорошо, что не палуба.

– Теперь разговоров хватит на неделю, кто, кого, с кем и как.

На палубу вышел озабоченный старпом:

– Лалетин не пробегал?

– Не видели, – ответил вахтенный Будиш.

– Лев Иванович, что там? – спросил я и ткнул пальцем вверх.

– Хрень какая-то с этим орденом. Лейтенанта замёл патруль – помочился на здание КГБ.

Нашел место, придурок. А у него – звезда героя. Вы эту звезду в упор не видели, да?

– Само-собой, – подтвердил я.

– Ну да, – пожал плечами Будиш.

– Увидите токаря, пусть зайдет ко мне, – сказал старпом и ушел.

– Саня, это ты виноват, – сказал я. – Не надо было пускать амурные дела на самотек. Отчаявшись, твой литёха и описал управу КГБ. Конец карьеры, разжалуют в рядовые! Мог бы помочиться хотя бы на контору капитана порта, это рядом. Кстати, как его зовут?

– Юра.

– Проводил бы Юрика до гарнизона. По-человечески. Потискал бы он тебя малость, с тебя бы убыло?

– Сашок, ты губки забыл подкрасить, – сказал проходивший мимо электрик Хатан.

Будиш потянулся за свайкой и я предпочёл сбежать. Для Сани настали трудные времена. Теперь только ленивый не припомнит ему эту историю.

На столе, на бумажном конверте, в лучах утреннего солнца сияла золотая звезда героя. Это было первое, что увидел Догонашев, открыв дверь капитанской каюты. У стола сидел молодой человек в гражданском сером пиджаке. Усатый милиционер стоял в стороне и стряхивал папиросу в хрустальную пепельницу. Капитан, Виктор Артёмович Шишкин, задумчиво ходил из угла в угол.

– Старший механик, Рашид Музагитович. Фамилию вы знаете, – представил капитан старшего механика.

Озадаченный дед застыл у двери и не сводил глаз с золотой звезды

– Такие, вот, дела, награда нашла героя, – без особой радости сказал Виктор Артёмович.

Бывалый разведчик на всякий случай сказал: «Служу Советскому союзу», – и сильно смутился.

Вошла буфетчица Светлана с кофе. Она была красивая и в белоснежном фартуке.

– Меня зовут Иван Иванович, – поднял голову молодой человек в серой одежде и пригубил кофе, – Зуев Иван Иванович. Введу вас в курс дела.

Зуев деловито полистал свой блокнот:

– Вчера патруль задержал нетрезвого лейтенанта пограничных войск Юрия Валерьяновича Утехина, который в этот момент справлял нужду у фронтона здания КГБ. У лейтенанта Утехина не оказалось при себе документов и он был доставлен в городскую военную комендатуру. Лейтенант Утехин заявил, что он участник боёв на острове Даманский, где командовал полком гвардейских реактивных минометов «Катюша» и буквально вчера его наградили медалью героя Советского союза. Это событие он и отмечал в ресторане «Якорь».

– Извините, перебыл, – сказал фронтовик Догонашев. – «Катюши» давно уже сняты с вооружения.

– В том-то и дело, – продолжал Зуев. – Утехин оказался на самом деле не Утехиным. И не лейтенантом. Так что тело его и дело было передано в отделение милиции соответствующего района.

Усатый майор утвердительно кивнул:

– Точно так, – и добавил, – этим лицом оказался местный таксист, Котельников. К нему, значит, это... к Котельникову, пришел его приятель, этот самый лейтенант. Переоделся в гражданку и – в самоход. Извиняюсь, в самоволку. В самовольную отлучку. Котельников решил воспользоваться его военной формой и направился в ресторан «Якорь». Остальное вы знаете.

– Ну, а я тут при чем? – совсем запутался Догонашев.

Капитан достал большую штурманскую лупу и придвинул медаль поближе к стармеху:

– Читайте. Читайте вслух, Рашид Музагитович, на обратной стороне.

Дед по птичьей склонил лысую голову, долго фокусировал лупу и, наконец, медленно, по слогам, прочел: «За отвагу на пожаре. Догонашеву Р. М. п/х Ярославль».

Вошла буфетчица Светлана. Она была красивая и в белоснежном фартуке. Света быстро и ловко украсила стол немудрёной закуской: сыр, колбаска, солёные огурчики. Капитан открыл холодильник...

Потом вызвали Лалетина. Остывший и подобревший стармех спросил только:

– Лалетин, ты скажи, на кой хрен ты задал мне мою медаль этому барану?

– Рашид Музагитович, простите, – Валера изобразил крайнюю степень смущения. – Я думал, что он тоже герой.

И уходя, обернулся:

– Я вам другую изложу, будете дважды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.